

Екатерина Мордвинцева

Целуй, пока не поздно

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Целуй, пока не поздно / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 292 с.

ISBN 978-5-524-00469-7

Когда я подписывала контракт, в пункте «обязанности» значилось: приглядывать за ребёнком, готовить ужин, не выходить из дома после заката. В пункте «риски» – ничего. Теперь я знаю: предыдущая няня исчезла.

В доме есть комната, которую нельзя открывать. А сам маг-вдовец каждую ночь говорит с портретом своей мёртвой жены. Меня зовут Сайфер. У меня нет магии. И кажется, меня выбрали не случайно.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00469-7

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Порт Кровавых скал, три года назад

Я никогда не верила в предзнаменования.

В Академии Теней нас учили: приметы – это магия слабых, тех, кто ищет оправдания своей трусости в положении звёзд или в том, как упала свеча. Сильный маг сам творит свою судьбу. Он не смотрит на небо за ответами. Он смотрит в глаза врагу и пьёт его страх как вино.

Я была сильной.

Именно поэтому я пропустила тот единственный знак, который мог меня спасти.

Утром того дня моя напарница, Райна Краун, проснулась с улыбкой на губах. Мы делили комнату на двоих – узкую, с одним окном, выходящим на северный склон, где вечно шумели сосны. Её кровать стояла у двери, моя – у окна. Так было всегда. Райна любила контролировать выход. Я любила видеть небо.

– Доброе утро, Сай, – сказала она, потягиваясь, и её голос звучал мягче обычного. – Тебе снилось что-нибудь?

Я сидела на подоконнике, в одной рубашке, босиком, и смотрела, как рассвет пробивается сквозь хвою. Холодный ветер с гор щипал лицо, но я любила этот холод. Он напоминал мне, что я жива.

– Только то, как я выпускаю тебе кишки на полигоне, – ответила я беззлобно. – Обычное дело.

Райна рассмеялась. Серебристым, чистым смехом, каким всегда смеялась – легко и заразительно. Три года напарничества, три года совместных миссий, три года, за которые я научилась отличать настоящий Райнин смех от фальшивого. В тот день он был настоящим.

Я не знала тогда, что человек может смеяться искренне и одновременно планировать твою гибель.

– Сегодня последний экзамен, – напомнила она, заплетая свои пепельные волосы в тугую косу. – Ты готова?

– Я родилась готовой.

Она посмотрела на меня с тем странным выражением, которое я тогда приняла за восхищение, а сейчас понимаю – была жалость. Смешанная с завистью, но всё же жалость. Её глаза цвета мутного янтаря скользнули по моим рукам – там, где под кожей пульсировали золотые нити дара.

У меня их было четырнадцать. У Райны – семь. Ровно в два раза меньше.

Я была лучшей на нашем курсе. Не потому, что много тренировалась – хотя тренировалась я больше всех. И не потому, что мне везло. Просто магия текла во мне как кровь, как дыхание, как желание. Я не вызывала её – она приходила сама, стоило только захотеть. Райна называла это «божественной несправедливостью» и улыбалась. Я думала, она меня любит.

Глупая, слепая, хвастливая дура.

Последний экзамен проходил на полигоне «Разрушенный мост» – полуразвалившейся крепости в двух часах верхового полёта от Академии. Задание выглядело простым: пройти через зал, где магик-экзаменаторы выставляли иллюзорных противников, добраться до артефакта в центре и вернуться обратно. В паре. Напарники должны были прикрывать друг друга. Оценивалась синхронность, скорость и – самое главное – умение распределять магическую нагрузку.

Мы с Райной отработали эту связку сотни раз.

Я беру на себя прорыв. Она страхует тыл. Я создаю щит. Она атакует с фланга. Моя магия – тяжёлая, взрывная, грубая. Её – тонкая, обманчивая, текучая. Мы были идеальным дуэтом. Нас ставили в пример младшим курсам. Преподаватели говорили: «Посмотрите на этих двоих. Вот что значит истинное эхо в магии».

Эхо. Когда дары двух магов резонируют, усиливая друг друга в разы. Редкое явление. Я не знала тогда, что эхо можно подделывать. Что Райна не резонировала со мной – она просто потребляла мою силу, маскируя это под гармонию.

Но в то утро я ничего этого не знала.

Мы стояли у входа в крепость. Внутри гудели магические ловушки, воздух пах озоном и сырым камнем. Экзаменаторы – трое магистров с каменными лицами – кивнули, давая старт.

– Готова? – спросила Райна.

– Как всегда.

Мы вошли.

Первый зал – «Стена копий». Иллюзорные дротики летели с потолка, пола и стен, имитируя настоящую атаку. Я выставила сферический щит на нас двоих – золотистый, плотный, непробиваемый. Райна в это время срезала магические узлы, питавшие ловушку. Её тонкие, как лезвия бритвы, нити силы вплетались в основание заклинаний и разрывали их изнутри.

– Быстрее, – бросила я. – Щит жрёт мой резерв как не в себя.

– Сейчас, сейчас.

Она улыбнулась. Я не увидела эту улыбку – я смотрела вперёд, на следующий проход. Но я её услышала. В голосе. В том, как она выдохнула воздух сквозь зубы.

Первый зал мы прошли за сорок три секунды. Личный рекорд.

Второй зал – «Клетка». Здесь требовалось не просто выжить, но и сохранить концентрацию под давлением. Стенки иллюзорной клетки давили на психику, вызывая панические атаки, ложные воспоминания, голоса мёртвых. Я ненавидела этот этап. Не потому, что он был сложным. А потому, что он показывал то, что я пыталась забыть.

Голос матери.

– Сайфер, ты ничтожество, – прошептал он из темноты. – Ты даже меня не спасла. Что ты сможешь спасти?

Я зажмурилась и выдохнула. Это не по-настоящему. Это иллюзия. Моя мать умерла, когда мне было шесть, и она никогда не называла меня ничтожеством. Она называла меня «мой свет».

Но голос звучал именно так, как звучал бы, если бы она меня презирала.

– Сай! – крикнула Райна. – Держись!

Я открыла глаза. Её рука сжимала мою. Кожа к коже. Её магия – холодная, скользкая – обвилась вокруг моего запястья. В обычный день я бы отдёргнула руку. Я не любила, когда кто-то касался моих магических каналов. Это было слишком интимно, слишком опасно.

Но в тот момент я подумала, что она просто пытается меня поддержать.

– Спасибо, – сказала я.

– Мы команда, – ответила она.

Я не увидела, как её зрачки расширились. Не заметила, как кончики её пальцев засветились тусклым, почти чёрным светом. Я была слишком занята – я пробивала стену третьего зала своей магией, вкладывая в удар столько силы, что искры летели в разные стороны.

Райна стояла у меня за спиной.

И делала то, о чём я узнала только через три минуты.

Она не страховала тыл. Она вплетала в мои каналы печать. Медленно, аккуратно, почти с любовью. Каждый раз, когда я использовала магию, её нити проникали всё глубже. Я думала, что это эхо – приятная вибрация, тепло в груди. Я приняла предательство за союз.

Третий зал мы прошли на вздохе.

И вот он – центральный зал. Артефакт «Сердце Эха» – кристалл размером с кулак, пульсирующий алым светом, парил на постаменте из чёрного мрамора. Взять его мог только тот, кто сумеет подавить магическое сопротивление. Обычно это делал один из пары, пока второй отвлекал охранные заклинания.

– Я возьму, – сказала я. – У меня больше резерва.

– Хорошо, – кивнула Райна. – Я прикрою.

Я шагнула вперёд, протянула руку к кристаллу. Моя магия потекла к кончикам пальцев, готовая нейтрализовать защиту. Я чувствовала, как артефакт сопротивляется, как он щиплет кожу статическим электричеством, как он почти... говорит.

«Не бери, – шептал он голосом, которого я не узнала. – Не бери. Она за твоей спиной».

Я обернулась.

Райна стояла в трёх шагах. Её руки были подняты. Пальцы сложены в печать запечатывания – тот самый жест, которому нас учили на третьем курсе. Тот самый жест, который использовали палачи, чтобы лишить мага дара перед казнью.

– Нет, – выдохнула я.

– Прости, Сай, – сказала Райна. И в её голосе не было сожаления. Только усталость. Только давно принятое решение. – Мне нужен этот выпуск. Мне нужен этот контракт. Мне нужно быть лучшей. А с тобой...

Она запнулась.

– С тобой я всегда буду второй.

Я попыталась активировать щит. Ничего не произошло. Моя магия, послушная, сильная, невероятная, – она не откликнулась. Она застыла где-то глубоко в груди, как замёрзшее озеро под толщей льда. Я чувствовала её, но не могла достучаться.

Потому что между мной и моим даром теперь стояла её печать.

– Ты... – голос сорвался. Я никогда не плакала. Я не плакала, когда умерла мать. Не плакала, когда отец продал меня в Академию за мешок монет. Не плакала, когда в первый раз меня ударили током во время тренировки, и я упала лицом в грязь.

Но сейчас слёзы хлынули сами. Не от боли. От потери.

– Ты не можешь, – прошептала я. – Мы же напарницы. Мы же...

– Эхо? – Райна усмехнулась. – Не было никакого эха, Сай. Я просто брала твою силу. Ты была моей батареей. И я решила... закрыть кран.

Она щёлкнула пальцами. Печать захлопнулась.

Я почувствовала это как разрыв. Как будто кто-то вырвал из моего тела позвоночник. Как будто воздух, которым я дышала все двадцать лет, вдруг стал чужим, ядовитым, непригодным. Мои ноги подкосились. Я упала на колени на холодный каменный пол, и мои руки – те самые руки, которые ещё минуту назад плели сложнейшие заклинания пятого уровня – бессильно повисли вдоль тела.

Внутри меня была пустота. Звонящая, абсолютная пустота.

– Магистры! – крикнула Райна, не глядя на меня. Её голос дрожал – от волнения? От театральности? – Сайфер потеряла контроль над даром! Я пыталась её стабилизировать, но источник схлопнулся сам!

Шаги. Тяжёлые, быстрые. Трое магистров ворвались в зал. Я подняла голову, пытаюсь объяснить, пытаюсь закричать, что это ложь, что это Райна, что она использовала печать – но слова застревают в горле, потому что я сама не верила в то, что говорила.

Потому что магистры могли видеть магические каналы.

И они видели: мои каналы пусты. Ни одного золотого волокна. Ни одной нити. Только серая, мёртвая ткань, как у обычного человека без капли дара.

– Этого не может быть, – прошептал старший магистр, женщина с седыми волосами и глазами цвета стали. – У неё было четырнадцать нитей.

Четырнадцать! Второй результат за последние сто лет!

– Источник схлопнулся, – повторила Райна, и её голос звучал так убедительно, так профессионально-спокойно, что я почти поверила сама. – Я предупреждала её. Слишком большая нагрузка на последнем экзамене.

Она игнорировала рекомендации.

– Это ложь! – наконец выкрикнула я. Голос сорвался на хрип, и из горла вылетел не крик, а какой-то звериный, надрывный кашель. – Она наложила печать! Я видела! Её пальцы были в печати запекатывания!

Магистры переглянулись.

– Покажи руки, Райна, – приказал старший маг.

Райна послушно протянула ладони вверх. Чистые. Ни следа магии. Ни остаточных эманаций. Если она и использовала печать, то сделала это с единственным на свете заклинанием, которое не оставляет следов – или сделала это так давно, что ткани уже регенерировали. Я знала правду. Но доказательств у меня не было.

– Осмотрите её, – велел старший маг, кивнув в мою сторону.

Младший магистр, мужчина с жидкой бородкой и неприятно холодными пальцами, опустился рядом со мной на корточки и положил руки мне на запястья. Его магия – слабая, но хорошо обученная – скользнула внутрь моего тела.

Я почувствовала её как чужеродный предмет. Раньше моя собственная магия сжирала бы такие вторжения на завтрак. Теперь я лежала открытая, незащищенная, как раковина без моллюска.

– Источник пуст, – сказал он через минуту. Голос был бесстрастный, как у патологоанатома. – Полное отсутствие магических резервов. Каналы деградируют. Если в ближайшие сутки не появится хотя бы искра...

Он не закончил.

– Что – если не появится? – спросила я.

– Вы навсегда останетесь нулём, – ответил он. – Человеком без дара.

Слова ударили сильнее, чем любая магия. Человеком. Не магом. Не боевой ученицей. Не Сайфер, чьё имя шептали на младших курсах. Просто... человеком.

Нулем.

Меня исключили из Академии в тот же день.

Не было прощальной речи. Не было минуты молчания. Не было даже того, чтобы собрать вещи. Мою комнату уже освобождали, когда меня привели обратно под конвоем – на случай, если «нестабильный бывший маг» решит навредить себе или другим.

Мои вещи – три рубашки, двое штанов, потрёпанный плащ, отцовский кинжал без магии (который я носила для ритуала, а не для боя), и книга «Основы тактической магии» с моими пометками на полях – лежали в мешке у двери. Райна стояла у окна, спиной ко мне. Её коса была уже расплетена, волосы рассыпались по плечам.

– Зачем? – спросила я.

Она обернулась. В её глазах не было ни злорадства, ни стыда. Только холодное, взрослое, расчётливое спокойствие.

– Потому что иначе я бы никогда не вырвалась из твоей тени, Сай. Ты была лучшей. Всегда. Даже когда не старалась. Ты могла

плюнуть в потолок, и из этого плевка вырастала магия. А мне приходилось убиваться, чтобы быть просто хорошей.

– Я помогала тебе.

– Ты унижала меня своей помощью! – Её голос взлетел на октаву. – Каждый раз, когда ты «подстраховывала» меня, магистры видели, что без тебя я ничто. Что ты – главная, а я – приложение. Ты думала, я не слышала, как они шептались: «Райне повезло с напарницей. Одна она бы не справилась». Не справилась бы! Понимаешь? Не справилась бы!

Она перевела дыхание. По её щеке скатилась одна слеза. Одна. И она же разозлила меня больше, чем всё остальное.

– Ты плачешь? – прошипела я. – Ты украла мою магию. Ты сделала меня нулём. И ты смеешь плакать?

– Я плачу не из-за тебя, – сказала Райна. – Я плачу, потому что мне жаль ту девочку, которой я была три года назад. Которая верила, что дружба сильнее конкуренции.

Она вышла из комнаты. Не оглянувшись. Не сказала «прости» по-настоящему. Я осталась одна.

Я сидела на своей кровати – уже без простыней, потому что простыни были собственностью Академии – и смотрела в окно. На северный склон, где шумели сосны. На небо, которое сегодня было того отвратительного серого цвета, который бывает перед снегом, но снег так и не идёт.

Я попыталась вызвать магию. Ничего.

Попыталась ещё раз. Представила золотые нити, текущие по венам. Обычно они откликались на одно только намерение, как верные псы на свист.

Сейчас – тишина. Мёртвая, абсолютная тишина. Даже отголоска, даже памяти о тепле.

Внутри меня была пустота, и в этой пустоте начинал разрастаться холод. Не физический – душевный. Тот холод, который приходит, когда теряешь не просто способность, а свою идентичность.